

S T U D I A P H I L O L O G I C A

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Панов. Е. С. Федорова. Трактат Николая де Лиры и его церковнославянский перевод конца XV века</i>	7
<i>Е. С. Федорова. Предисловие</i>	9
<i>Е. С. Федорова. Размышления Николая де Лиры, францисканца и первого профессора сорбонны — для читателей Руси</i>	25
<i>Николай де Лира. Доказательство пришествия Христа, или Рассуждение... (перевод на русский язык Е. С. Федоровой)</i>	73
<i>Nikolaus de Luga и Дмитрий Герасимов. «Доказательство пришествия Христа, или Рассуждение...» Латинский текст и параллельный церковнославянский перевод Дм. Герасимова...</i>	151
<i>Е. С. Федорова. Характерные особенности языка переводов Дм. Герасимова. Общая характеристика рукописи. Вступление к двум переводам в составе рукописи ГИМ: вопрос авторства Дм. Герасимова</i>	274
<i>Указатель слов и словоформ латинско-церковнославянский (составлен Е. С. Федоровой)</i>	323
<i>Указатель словоформ церковнославянско-латинский (составлен Е. С. Федоровой)</i>	427
<i>Библиография</i>	471

М. В. ПАНОВ

**Е. С. ФЕДОРОВА.
ТРАКТАТ НИКОЛАЯ ДЕ ЛИРЫ
И ЕГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД
КОНЦА XV ВЕКА¹**

Мы живем в сумеречное время. Прошлое посылает всё меньше лучей, старые источники света потухают, их затмевают новые мерцающие огни. Будущее мглисто. Поэтому радостно, когда открывается какой-нибудь забытый источник света. Книга представляет современному читателю такой источник.

Деятельность Дмитрия Герасимова, русского толмача XVI века, приближенного к верхам духовной и светской власти, с одной стороны, отразила эпоху, с другой стороны, противостояла эпохе. Отразила — своей глубокой включенностью в борьбу своего времени, противостояла ей — широтой взгляда, чуждого ожесточению и неистовству, умением у духовных противников находить приемлемое и ценное.

Е. С. Федорова дает такой выразительный (и даже художественно убедительный) духовный портрет Герасимова: «В свидетельствах о нем, в его собственных сочинениях уже проявляются неповторимые черты личности: ему свойственны универсальные знания, осознанные принципы филологической деятельности, хитрый дипломатический ум и глубокое богословское образование, интеллектуальная энергия и знание меры... дух веселости, дух легкости, не изменившей ему даже в старости».

Само обращение Герасимова за «мыслительной помощью» к католическому трактату, пишет Е. С. Федорова, «трудоемкий его перевод —

¹ Михаил Викторович Панов, бесспорно, любимейший из лекторов филологического факультета МГУ на протяжении нескольких десятилетий. Он остается образцом и свободы, и профессиональной тщательности в филологических размышлениях. Этот текст — большая честь для автора — был написан им как предисловие к данной книге и видит свет только сейчас.

не обычен для XVI века». И даже «для православного сознания XIX в. кажется невозможным совмещение борьбы за чистоту православия и обращение при этом к духовному опыту Запада». Тем большее уважение вызывает у нас духовная свобода и духовная твердость Дмитрия Герасимова, объединившего широту мысленного поиска и верность исходным принципам.

Очевидно, в истории русской мысли среди деятелей русской культуры всегда были люди всесторонне ориентированного поиска, чуждые нетерпимости, но при этом твердые в своих убеждениях. Деятельность Дмитрия Герасимова — важный исторический довод в пользу именно такого рода духовной деятельности.

Е. С. Федорова нашла этот перевод Герасимова (он оставался неизданным), оценила его культурную, филологическую и историческую ценность, сделала его перевод с древнецерковнославянского на современный русский, комментировала его, дала ему культурно-историческую и филологическую характеристику. Перевод хорош: это строго академический и в то же время легкий русский язык, без канцелярита, без ненужного осовремениванья, стилистически прозрачный.

Работа Е. С. Федоровой заслуживает самой высокой научной оценки, она является значительным вкладом в нашу современную русскую культуру.

М. В. Панов, доктор наук, профессор
Москва, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТЕКСТ, А НЕ ИДЕОЛОГЕМА,
ПОКАЗАТЕЛЬ РЕАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Цель публикации — на конкретном примере перевода латинского памятника и факта его бытования на Руси в списках показать, во всех лингвистических и исторических нюансах, реальную степень проникновения западноевропейского культурного и теологического опыта в Россию в эпоху рубежа XV–XVI вв., продемонстрировать, каким образом возникали новые культурные ориентиры, указывающие путь в сторону от традиционных греческих источников в литературе Древней Руси.

А. И. Соболевский некогда заметил: «Новые эпохи в древнерусской литературе составлялись переводами, иначе говоря, культурные движения в Московской Руси находили себе выражение не в оригинальных произведениях, а в подборе переводов»¹. При изучении древнерусской литературы важной и соответствующей интересам российского читателя представляется презентация самих памятников-оригиналов, ее питающих, во всей историко-лингвистической и фактологической полноте. А также существенным нам кажется знакомство с индивидуальностью автора и переводчика. Если есть уникальная возможность, которая редко представляется для эпохи рубежа XV–XVI вв. У нас она была.

Нельзя сказать, чтобы тема интенсивности разнообразных международных связей Руси в области литературы лежала вне интереса крупных исследователей-филологов как XIX, так и XX — начала XXI в.

¹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб. 1903. С. V.

Более ста лет назад А. И. Соболевским было сделано много усилий в уничтожении «мифа об отделенности России от Запада». Его выводы базировались, прежде всего, на анализе всего известного ему корпуса текстов древнерусской литературы и текстологических исследованиях. Сам Соболевский, настаивавший на непрерывных связях России и Европы с XV в., прокомментировал и, опубликовав, ввел в древнерусскую литературу несколько конкретных переводных текстов. Например, перевод с латинского повести Энея Сильвия «О взятии Константинополя»². После публикации в 1903 г. А. И. Соболевским научно организованного, исчерпывающе полного для своего времени каталога переводных изданий, каким, по сути, является его труд «Переводная литература Древней Руси», ни у кого уже не может вызывать сомнения: начиная с XV в., а вовсе не с эпохи Петра I греческое влияние в древнерусской литературе начинает во многом уступать латинскому и немецкому, то есть западному. Тексты красноречивее идеологем свидетельствуют: количество латинских — на одной чаше весов — и греческих, немецких, голландских, польских сочинений — на другой чаше — в XVI в. уже примерно равно.

В концептуальном плане за прошедшее столетие тема разбиралась достаточно интенсивно. Значительный вклад внесли исследования В. Н. Топорова, направленные на опровержение идеи «ненавистной раздельности мира», культурной автономности Руси³. Словом, проблема литературных влияний на древнерусские источники долго является одной из востребованных тем в изучении культуры и литературы Древней Руси. Тем не менее общеизвестная приверженность греческой вере и стремление подражать греческой образованности до сих пор оставляет в тени многочисленные факты связей Руси с книжной латинской культурой, состоявшихся уже в конце XV в. В частности, об этом говорит теологический латинский трактат Николая де Лиры, переведенный Дмитрием Герасимовым на церковнославянский язык. Хотя его обязательное упоминание является общим местом в курсах древнерусской литературы, однако это только упоминание. Текст не был доступен для чтения и фундаментально не входил в круг интересов исследователей.

² Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский. Киев, 1905.

³ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I, II. М.: Гнозис, 1995; 1998.

I. ТЕОЛОГ, ЧЬЯ МУЗЫКА ТЕКСТА ПОБУДИЛА ПЛЯСАТЬ САМОГО ЛЮТЕРА

Кто такой Николай де Ли́ра, забытый ныне в Европе так же прочно, как некогда был популярен? Теолог, детство и молодость которого пришлось на последние десятилетия XIII в. и протекали во французской нормандской провинции, в графстве Эврё, где и сегодня большой достопримечательностью является собор, строительство которого началось в X в., в местечке под названием Ли́ра, в бедной семье. До сих пор он известен всем как Николай из местечка Ли́ра или, если угодно, Николай Лирский. Так было бы правильнее. Однако прижилось в России Николай де Ли́ра. Подлинное его имя остается неизвестным. О его происхождении ходило множество легенд. По одним данным, он принял решение креститься вместе с матерью юным отроком, по другим — стал христианином в зрелом возрасте. Подлинно известно, что Ли́ра принял монашество и стал членом ордена миноритов (*Ordo Fratrum Minorum*), то есть братьев меньших — по отношению к старшему — святому Франциску Ассизскому, которому последовали молодые люди, решившие по его примеру отказаться от мирских благ. Этот орден носит наименование ордена францисканцев, или кордельеров — по названию белого пояса-веревки (франц. *corde*), препоясывающего рясу в знак крайней скудности имущества. В свое время Ли́ра возглавил орден в так называемой провинции Франция. Он стал также одним из первых профессоров Сорбонны. Пользовался колоссальным авторитетом у властей предержавших, в частности был исповедником Жанны Бургундской, жены короля Филиппа V. Он составил *первый полный* комментарий к книгам Ветхого и Нового Завета. Это главные сведения об аскете, вызывавшем всеобщее уважение. Подробно — ниже. Вот как о нем пишет через три с лишком столетия — в конце XVI в. — французский просветитель Андре Теве в широко известном энциклопедическом географическом произведении «Всемирная космография»: «Один из самых выдающихся людей, которых когда-либо вскормила земля норманнов. Сын иудейский, подвергшийся обрезанию до того, как принял св. Крещение, облачился в монашеские одежды кордельеров»⁴.

Метод Лиры. Теологическое толкование священных текстов основано прежде всего на внимании к языковым особенностям текста, то есть современным языком мы могли бы назвать его филологическим. Важно, что подход Лиры окажет впоследствии большое влияние на Лютера.

⁴ *Thevet A. Cosmographie universelle. Paris, 1575. Т. II. P. 596–597.*

Жанр трактата. Исследуемый трактат 1309–1334 гг. называется «Доказательство пришествия Христа». Каков его жанр и содержание? Это так называемый *Quodlibetum* — кводлибет, от латинского *quod libet* — ‘что угодно’. Этот термин применим к музыкальным жанрам и ныне более известен в музыковедении. Здесь это теологическое сочинение, имеющее целью доказательство общего большого положения, достигаемое с помощью доказательств частных положений, именуемых *Quaestio*, квестио. Говоря современным языком, структурно трактат имеет одну глобальную цель, достигаемую последовательно решаемыми задачами. См. об этом детально в «Размышлении Николая де Лиры...».

Содержание. Лира задается целью доказать, что указание на пришествие Христа, время Его пришествия и понятие Троицы содержится в свидетельствах Ветхого Завета, таким образом представляя религиозную историю мира как цельную и непрерывную. А отпадения ревнителей Ветхого Завета видит как следствие лингвистической причины — неправильности перевода некоторых мест Библии с древнееврейского. Вообще такой образ мысли характерен для францисканцев, особенно для их мистического крыла — так называемых спиритуалистов. Лира и в данном сочинении ссылается на Гуго Флорского, который видел всю историю человеческую целиком, проходящую через «состояния» — «Отца», «Сына», «Духа Святого». В каждой эпохе свои смятения. Они будут преодолены в период возрождения церкви Духом Святым. Так, в казусе сопряжения имени Божьего *Elohim* с глаголом единственного числа он видит триипостасное определение Божества, заложенное, по его мнению, еще в Ветхом Завете. Лира утверждает, что ветхозаветные мудрецы знали об этом, но скрыли от семидесяти толковников, чтобы не позволить соблазниться неподготовленным, в частности не дать царю Птоломею повода понять Троиединство как многобожие. Трактат в основном издавался в приложении к полному комментарию Библии.

Таким образом, идея Лиры позитивна и оптимистична: «отпадения», «вероломство» (*perfidia*) — «частные случаи» и происходят от недопонимания общего хода истории и развития человека в ней. Вероломство следует понимать здесь буквально: *сломанная вера*, проистекающая от неправильного *понимания*. Разумеется, в целом логика доказательств покажется современному читателю в лучшем случае фантазийной. Но следует понимать, что мышление и видение мира средневековым человеком в корне отличается от нашего. Бессмысленно и даже вредно для

понимания прошлого накладывать матрицу современных приоритетов и отправных логических точек на совсем другие предпочтения и узлы напряжений, видимые умственным взором XIII в. Хотя, к сожалению, этот метод соположения эпох «по точкам схождения» ныне в ходу у историков. Но он тупиковый. Что наложишь с помощью современной матрицы — такое подобие и получишь. А своеобразие просыплется сквозь «дыры несхождения», останется капсулированной неизвестностью. В сравнении с другими трактатами того времени «Доказательство» Лиры вовсе не выглядит научной фантастикой. Приведу один пример. 29 богословов, считая Лиру, собрались как-то в Руане на серьезнейшие богословские прения: видят ли души святых ангелов сразу после перехода в мир иной или не сразу? Современное сознание не примет и не вместит ни подобным образом поставленный вопрос, ни саму целесообразность его постановки. Эта реальность — за гранью нашего разума. Для людей же XIII в. это безусловная ментальная реальность.

«De perfidia iudaioium» («О вероломстве иудейском») — одно из многочисленных названий трактата. (Ибо мы знаем, что каждый издатель мог присвоить им самим созданное заглавие трактату, во всем остальном строго соблюдая буквальность воспроизведения текста. Эта пестрота заголовков заставила в свое время классифицировать инкунабулы по «*Incipit*» («Начинается...»), то есть по первой фразе сочинения.) Однако же это заглавие, которое решил поставить конкретный издатель, вызывало долгое заблуждение, что в трактате существует антииудейская направленность. Безусловно, глубокое надзвездное богословское размышление Лиры о путях спасения человечества, о возможности помочь ему разъяснением переводов, разъяснением с помощью инструментов языка исключает какой бы то ни было националистический оттенок, как бы ни хотелось того поверхностным публицистам.

II. ЧТО МОГЛО ВЫЗВАТЬ ИНТЕРЕС РУССКИХ КНИЖНИКОВ К ТРАКТАТУ ФРАНЦУЗСКОГО БОГОСЛОВА?

Какие же обстоятельства способствовали появлению трактата на Руси? С внешней стороны движение этому интересу дала полемика с еретическими движениями эпохи. Сегодня на основе имеющихся данных достаточно разработаны научные представления о сложной природе интеллектуально-религиозных движений, традиционно именуемых еретическими, которые и породили свод переводной литературы в данную эпоху. Бесспорно, в основе лежало прагматическое и сиюминутное желание получить богословское

подкрепление в ответах еретикам. Однако культурная ситуация, как говорит нам знакомство с *текстами*, гораздо сложнее генерального идеологического направления. В «сухом остатке» переводной корпус этой эпохи принес для Древней Руси новую информацию о культурных, религиозных и даже ученых путях мысли у других народов. Так, новый взгляд на некоторые аспекты «сокровенных» занятий на рубеже XV–XVI вв., на дисциплины, которые понимались современниками как еретические, обосновали Р. А. Симонов, А. А. Турилов, А. В. Чернецов⁵. В частности, к еретическим занятиям относили не только астрологию, осуждаемую наряду с чернокнижием, но и астрономические вычисления, и даже геометрию. Авторы рассматривают «сокровенные» занятия в плане знакомства с естественнонаучными дисциплинами, а указанный исторический период «метаний» как трудное приятие и развитие естественнонаучных знаний на Руси. Каковы же тексты, которые вводят в обиход еретики? Это «Логика» и «Метафизика» Моисея Маймонида, космографические сочинения, содержащая зачатки социологических представлений книга Псевдо-Аристотеля «Тайная тайных». В сознании книжников, проявляющих интерес к устройству мира, не разделены еще астрономия и астрология, математические вычисления принимаются за чародейство, хотя и этот элемент присутствует в некоторых сочинениях. Последнее невозможно отрицать. Однако важно то, что интерес к науке отвергается, поскольку в нем видится противостояние вере. Значит, то, что называется «еретическим» движением, — многослойно, в него входили разнородные компоненты, многие из которых сегодня мы не отнесли бы не только к ересям, но и к религиозным воззрениям вообще.

Еще в XVII в. продолжают повторять: «Зело мерзостен всяк веря волхованию, и чародейству, и звездочетцем, и планитником и любяй геометрию». Недифференцированность философского познания мира и суеверий надолго и после этого периода останется неизменной. Позже и протопоп Аввакум скажет: «Ритор и философ не может быть христианин».

III. ДЕТАЛИЗАЦИЯ СОБСТВЕННО РЕЛИГИОЗНЫХ ВОПРОСОВ

Помимо интереса к науке, усиливается интерес к собственно религиозным вопросам. В свое время А. Н. Пыпин достаточно детально охарак-

⁵ Симонов Р. А., Турилов А. А., Чернецов А. В. Древнерусская книжность: Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым. М., 1994.

теризовал доминирующие в Древней Руси культурно-психологические типы деятелей религиозного просвещения. Исследователь обосновал точку зрения, что после известного периода двоеверия (концепция, позже превосходно разработанная в трудах Б. А. Успенского и Н. А. Толстого) именно к XV в. христианство, хотя и «в популярной форме», как он говорит, «возобладало над умами». (Хотя двоеверие дожило и до сегодняшнего дня.) Отсюда и возникла «деятельная религиозная жизнь, не останавливающаяся на внешнем обрядовом благочестии, здесь попытались ставить вопросы по существу церковной жизни, и свободомыслие выразилось возникновением ересей». Осуществляется попытка личностного развития в вере: «Душа самовластна, но заграждена верой», — говорится в признанном «отреченным» сочинении⁶. В докладе на Рождественских чтениях конца 1990-х академик А. М. Панченко высказал парадоксальную мысль в очень смелой форме: ересей на Руси не было, поскольку «если бы они были, мы бы точно знали об их содержании». Значит, эти движения представляли собой нечто другое, а именно: попытки и поиски личностного развития и общественного обновления в области веры, на пути же этом должно было встретиться и встретилось немало действительных искушений и реальных падений. Если внимательно посмотреть послания архиеп. Геннадия, главы и патрона переводческого кружка, осуществившего первый полный славянский перевод свода Библии, то к ереси он относит совершенно разные по природе явления: то описывает способ «присухи», хорошо известный из народных обрядов, то маркианство и мессалианство (христианские секты), то гадание. Святителя тревожит, на наш взгляд, прежде всего, сама возможность этого разброда, само *разнообразие* мнений. Это новость, которую еще предстояло пережить русскому религиозному менталитету. Да и пережита ли она сегодня? И собственно его предприятие — перевод Библии, известной как Геннадиевская Библия 1499 года, есть форма борьбы пером с вольномыслием, искажающим, по его мироощущению, душу и веру ее.

В работах М. В. Дмитриева, посвященных взаимоотношениям православия и реформации, упорядочивается и объясняется характер церковно-православных институтов и возникающее противодействие им в образованной и народной среде⁷. Еретические движения современные

⁶ См.: *Пытин А. Н.* История русской литературы // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. LV. С. 582–634.

⁷ *Дмитриев М. В.* Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М.: МГУ, 1990.